

Anna Vl. Yaroslavtseva
PhD, associate professor,
Novosibirsk State Medical University

Axiological Foundation in Altered States of Consciousness Studies

Key words: *consciousness, states of consciousness, altered states of consciousness, values, axiology, methodology of science*

Annotation: *This article discusses the difference between traditional and modern scientific approaches to the study of altered states of consciousness. These approaches are significantly different value systems, that on the one hand, lying at the base of knowledge about the states of consciousness, on the other – resulting in their socio-cultural status. The article demonstrates the influence of value systems on the research methodology and the results obtained and defend the position of the impossibility to study states of consciousness, while we ignore the ethical and axiological component.*

Систематические исследования сознания в западноевропейской философской и научной традиции начались в эпоху Нового времени. Так сложилось, что поначалу сознание, психика были отождествлены со способностью суждения или рациональным мышлением, в связи с чем исследования сосредоточились в этой области: были выявлены фундаментальные характеристики рационального мышления (например, рефлексивность, на которую впервые обратил внимание Дж. Локк), структуры, которые это мышление требует, – в частности, гносеологический субъект, Я, от лица которого производятся высказывания (начиная с Р.Декарта). Однако, исследуя сознание в современности, уже нельзя ограничиваться исследованием структуры рационального познания, инвариантных форм способности рационально мыслить, поскольку сознание не понимается как тождественное этой способности.

Изучение измененных состояний сознания (ИСС) позволяет сделать предметом исследования изменяющиеся и ранее недоступные когнитивные структуры, выделить устойчивые, повторяющиеся последовательности структурно-функциональных изменений в когнитивной сфере, охватить отличающееся большим разнообразием множество содержаний сознания, поскольку допускать наличие множества различных состояний сознания, означает допускать существенное разнообразие результатов его активности. К тому же этот подход полностью соответствует парадигме современной науки, которая, в особенности в части естествознания, прочно стоит на эволюционистских позициях, рассматривая естественные явления как претерпевающие необратимые качественные изменения во времени.

Однако исследования измененных состояний сознания и исследования сознания в целом развиваются, казалось бы, независимо друг от друга. Полагаю, что ответ на вопрос о причинах такого положения дел хотя бы отчасти может быть найден посредством рассмотрения специфики современных исследований измененных состояний сознания с аксиологической точки зрения.

Чтобы выявить роль систем ценностей в исследованиях ИСС, осуществим сравнительный анализ современных исследований измененных состояний сознания и подхода, им непосредственно и повсеместно предшествовавшего, в отношении способа дифференциации состояний сознания на «нормальные» и «измененные», а также

способов различения состояний сознания внутри множества измененных состояний сознания.

Архаическим обществам был свойственен подход, который является ненаучным в том плане, что ему совершенно нельзя приписать научный способ вопрошания об объекте исследования. Он представлен в сочинениях Платона, согласно которому, *«величайшие для нас блага возникают от неистовства, правда, когда оно уделяется нам как божий дар. Прорицательница в Дельфах и жрица в Додоне в состоянии неистовства сделали много хорошего для Эллады – и отдельным лицам, и всему народу, а будучи в здравом рассудке, – мало или вовсе ничего»* (1). *«Неистовство разрешалось в молитвах богам и служении им, и человек, охваченный им, удостоивался очищения и посвящения в таинства, становясь неприкосновенным на все времена для окружающих зол, освобождение от которых доставалось подлинно неистовым и одержимым»* (1).

В двух приведенных фрагментах явным образом имеет место дифференциация священного безумия и безумия «обыкновенного» по двум критериям: в первом из приведенных фрагментов используется критерий **социальной значимости**, во втором – **индивидуальной значимости**. Эти критерии не являются уникальными, они использовались до и после Платона.

Трансформация критерия социальной значимости в истории западноевропейской цивилизации подвергнута тщательному исследованию в работе Мишеля Фуко «История безумия в классическую эпоху». На обширном историческом материале он убедительно показывает, как, начиная с пятнадцатого века, безумие переставало интерпретироваться в качестве сакрального, медицинского феномена (такого рода интерпретации имели место в средневековой Европе) и начало интерпретироваться преимущественно в качестве феномена социального.

Изгнание безумцев (в отдельных случаях преклонение перед безумцами) в Средние века сменилось их нововременной изоляцией. Безумцев изолировали в заведениях (госпитали, работные дома, исправительные дома), которые не имели никакого отношения к медицине, выполняли одновременно благотворительную и репрессивную функцию. Эти заведения создавались по всей Европе для решения социальных проблем, вызванных экономическими кризисами. Сообщество их обитателей было крайне неоднородно: бедняки, бродяги, уголовные преступники, гомосексуалисты, больные венерическими заболеваниями, умалишенные содержались в этих заведениях, поскольку безумие, как и либертинаж, богохульство, нищета, занятия магией или алхимией, стали восприниматься преимущественно в нравственном измерении и однозначно оцениваться как следствие неправильного употребления свободы воли, дурного качества воли. Оказываемые обитателям этих заведений гостеприимство и приют имели двойственную природу: они сочетались с исключением из общества, лишением свободы указанных категорий лиц по причине нарушения ими общественного порядка.

Фуко неоднократно подчеркивает последовательность эпохи, проявляющуюся в объединении, казалось бы, столь разнородных вещей: все обитатели указанных специализированных заведений вели себя неразумно, и их изоляция от общества вкупе с отношением к ним были обусловлены именно нерациональностью поведения. В рассматриваемую эпоху конфликт разума и неразумия рассматривался как противостояние в сфере ценностей, одна из плоскостей, в которой разворачивается битва добра со злом, поэтому одной из основных целей упомянутых заведений тюремного типа было насаждение нравственных принципов, которых, как предполагалось, сумасшедшие, больные венерическими заболеваниями, бедняки, etc, были лишены. Для воспитания в духе общепринятой морали использовались наказания и труд. Впоследствии, *«в эпоху Пинеля, когда... безумие предстанет лишь невольным,*

случайно постигшим разум несчастьем, люди ужаснутся тому, как содержали безумных в камерах приютов и богаделен. Тот факт, что с “невинными” обращались как с “виновными”, вызовет всеобщее негодование» (2).

В девятнадцатом столетии, вследствие либеральных реформ систем исправительных учреждений, измененные состояния сознания обрели новый социокультурный статус, стали интерпретироваться как феноменальное проявление «душевных болезней», в связи с чем были медикализированы, – т.е. перешли из разряда антисоциального поведения в сферу влияния медицинского знания и практики, а отношение к измененным состояниям сознания стало современным, свойственным т.н. цивилизованным обществам.

Критерий индивидуальной значимости в древние времена сопрягался повсеместно с представлением об иерархии состояний сознания, одни из которых лучшие нормального состояния сознания, другие – хуже. Зачастую бывает сложно отличить одно от другого. То, что последнее замечание верно, с предельной ясностью демонстрирует произведение итальянского тюремного врача-психиатра Чезаре Ломброзо «Гениальность и помешательство», изобилующее посмертно поставленными психиатрическими диагнозами ученым, философам, художникам, – и у него было много последователей: после смерти Ломброзо было опубликовано более полутора сотен психиатрических диагнозов, поставленных людям искусства после их смерти.

О затруднениях с оценкой различных состояний сознания писал Ошо: *«Безумие пало ниже разума, а просветление возвысилось над разумом, но оба они иррациональны, поэтому иногда на Востоке сумасшедшего принимают за просветленного. Таковы сходные черты. А на Западе иногда просветленного человека принимали за сумасшедшего, потому что Запад понимает только одно, если вы не в своем уме, то вы безумны. У него нет категории для того, что выше ума, он имеет только одну категорию — ниже ума. На Востоке неправильное понимание происходит оттого, что веками Восток знал людей, которые были не в своем уме и в то же время над умом, следовательно, они подобны безумцам. Для масс Востока это создает путаницу, это создает проблему. Они решили, что лучше ошибочно принять сумасшедшего за просветленного, чем принять просветленного за сумасшедшего. Что вы теряете, приняв сумасшедшего за просветленного человека? Вы ничего не теряете. Но ошибочно принимая просветленного человека за сумасшедшего, вы определенно теряете потрясающую возможность. А неправильное понимание возможно из-за схожести...» (3)*

В книге Шейха Хакима Моинуддина Чишти, посвященной суфийскому целительству, также приводятся свидетельства сложности различения различных измененных состояний сознания. Суфизм описывает духовную эволюцию человека в терминах «стоянок» духа. Для каждой стоянки, или уровня духовного развития, характерны различные заболевания. Так для стоянки Духа, – третьей в последовательности стоянок, – характерны такие проблемы как «склонность к самообману», «недостаток сосредоточенности», «нервная дрожь различной природы»; «бывает, что человеком на стоянке духа овладевает безумие, особенно, когда у него нет наставника» (4, р. 50-51). Заблуждения четвертой стоянки (стоянки Божественных тайн) включают в себя «неправильное толкование Божественных феноменов, иррациональность, равнодушие к земной жизни, бессвязные высказывания» (4, р. 53). На следующей за ней стоянке Близости «человек наслаждается соседством Высочайшего», вследствие чего им может овладеть «неуемный экстаз», создающий серьезные проблемы. «Такие люди утрачивают практически всякий интерес к миру и связь с ним. Они находятся в состоянии непрерывного экстаза и их совершенно не волнует ни сон, ни пища, ни одежда. Они опьянены Божественным, их внимание полностью поглощено Возлюбленным» (4, р. 54).

Чишти описывает одного из таких людей, которого он видел в деревенской местности Афганистана: *«Когда я и мои спутники вошли в его окруженный высокой стеной сад, там сидел, ссутулившись над рядами горшков с геранью, небольшой человек. Периодически старик срывал по нескольку ярко-красных цветов и съедал их. Он делил это кушанье с белками и другими зверушками, без всякого страха сновавшими вокруг него. Потом мы поднялись к нему в комнату; его поведение насторожило бы любого человека, ничего не знающего об этой стоянке. Он ни слова не сказал ясно или прямо, зато время от времени в беседе можно было различить обрывки его разговоров с обитателями ангельских сфер. Через открытые окна безбоязненно влетали и вылетали птицы. Когда мы уходили, он предложил одному из моих спутников “подарок”, протянув его как сокровище в сложенных лодочкой ладонях. Это была перепачканная грязью персиковая косточка!»* (4, р. 54-55).

Хаким Чишти обращает внимание на сходство между поведением таких людей и поведением душевнобольных, замечает, что на Западе их непременно изолировали бы от общества. А также последовательно проводит мысль, что в диагностике и лечении заболеваний совершенно необходимо учитывать стоянку, на которой находится человек.

Однако из того, что многие испытывают затруднения с дифференциацией состояний сознания лучших, чем обыденное и худших, чем обыденное, гениальности и помешательства, «просветления» и «деперсонализации», знания, полученного через Откровение, и бреда, не следует, что такая дифференциация невозможна или нецелесообразна.

В современном научном дискурсе (медицинском, нейрологическом, культурно-антропологическом, психологическом) ни индивидуальная, ни социальная значимость не являются основанием для дифференциации измененных состояний сознания внутри собственного множества, также как не являются основанием для отделения измененных состояний сознания от нормальных. Дифференциация осуществляется по способу генеза различных состояний сознания.

В 1969 году под редакцией Чарльза Тарта, американского психолога, парапсихолога, одного из основателей трансперсональной психологии, вышла антология статей «Измененные состояния сознания», которая сделала измененные состояния сознания предметом научного анализа. В этой книге множество состояний сознания дифференцируется немецким психологом, одним из первых исследователей ИСС Арнольдом М. Людвигом. Основанием для дифференциации выступает способ достижения измененных состояний сознания, к каковым Людвиг относит: редукцию экстероцептивной стимуляции и/или моторной активности; повышение экстероцептивной стимуляции и/или моторной активности и/или эмоций; повышенную психическую вовлеченность; сниженную alertность или ослабление критичности; различные психосоматические факторы, в основном изменения химии или нейрофизиологии тела (5). Функциональная значимость измененных состояний сознания, характер когнитивных изменений на различных уровнях функционирования когнитивной системы и другие характеристики этих состояний очевидным образом не являются основанием для дифференциации множества измененных состояний сознания А. Людвигом, поскольку только способ генеза предстает в указанной работе как разделяющий состояний сознания по группам, а другие перечисленные характеристики рассматриваются как присущие *всем* измененным состояниям сознания.

Тот же самый критерий, – **генетический**, – используется в медицинской нозологической классификации, полная версия которой на текущий момент представлена в МКБ-10 (Международном Классификаторе болезней Десятого пересмотра). Основанием для классификации измененных состояний сознания

выступает причина или способ генеза психического заболевания. На этом основании выделяются психотические расстройства имеющие органическую или физическую причину, как то: болезнь, дисфункция или повреждение головного мозга, употребление психоактивных веществ, физиологические нарушения и физические факторы. Расстройства не имеющие материальной причины, как-то: шизотипические и бредовые расстройства; аффективные расстройства; расстройства, связанные со стрессом, расстройства психологического развития; умственная отсталость. Отдельно выделяются расстройства личности и поведения в зрелом возрасте и эмоциональные расстройства и расстройства поведения, обычно начинающиеся в детском и подростковом возрасте. После таким образом произведенной дифференциации патологически измененных состояний сознания дается их феноменологическое описание, в дальнейшем они различаются по феноменологическим проявлениям.

Нейрологические исследования, устанавливающие связь между функциональной активностью мозга и отдельными измененными состояниями сознания, к каковым можно, в частности, отнести работы в рамках лингвистики измененных состояний сознания, также очевидным образом предполагает использование генетического критерия.

Даже в антропологических исследованиях, реализующих, казалось бы, преимущественно феноменологический подход, используется генетический критерий. Я имею в виду, например, установление связи между определенными состояниями сознания и культурой, в рамках которой они произошли, выявление характерных для культур определенного типа состояний сознания. Так, Эрика Бургиньон, классик психологической антропологии, один из ведущих специалистов в области изучения измененных состояний сознания, реализует генетический критерий, когда приводит сведения о распространенности просто транса и транса одержимости: просто транс как правило распространен среди народов-охотников, тесно связан с употреблением психотропных веществ. Транс одержимости *«более вероятно обнаруживается в обществах, сильно зависящих от земледелия и производства пищи в противоположность охоте, собирательству и рыболовству. Система ценностей, в которой сельскохозяйственной продукции отдается предпочтение, играет здесь существенную роль. Согласно Барри, Чайлду и Бэкону..., мы ожидаем, что в таких обществах большее значение придается послушанию, надежности и заботе о младших и слабых – одним словом, уступчивости»* (6).

Иными словами, в современном цивилизованном мире научное сообщество дифференцирует состояния сознания по признакам, отличающимся от использовавшихся ранее. Нельзя сказать, современные основания для классификации были совершенно неизвестны в предшествующие эпохи: в классическом для философии йоги тексте – «Йога-сутре» Патанджали, – упоминаются различные способы генеза сиддхи, являющихся следствием достижения состояний сознания определенного рода: *«Совершенные способности возникают благодаря [соответствующей форме] рождения, лекарственным снадобьям, [чтению] мантр, практике аскетизма [и] йогическому сосредоточению»* (7). Правда здесь имеется еще одна особенность, которая полностью отсутствует в современных подходах к дифференциации множества состояний сознания: к одному и тому же результату столь разные способы достижения измененных состояний сознания приводят при *разных исходных условиях*: согласно комментарию Вясы *«[совершенные способности, обретаемые] благодаря лекарственным снадобьям – эликсир жизни и прочим, – [могут быть обретенны] в местах пребывания асуров»* (7) и т.д. Во времена Патанджали происхождение какого-либо состояния сознания не было основанием для суждения о ценности этого состояния. Генетически сходные состояния сознания могут

феноменологически очень серьезно различаться, однако в древности, похоже, не проявлялась так широко тенденция игнорировать эти отличия.

Таким образом, мы имеем в наличии два явно не сочетающихся подхода, при одном из которых мы имеем дело с состояниями сознания различной ценности, при другом – различного генеза. Первый подход дифференцирует состояния сознания по их социальной и индивидуальной значимости, однако, казалось бы, утратил свою актуальность, второй в своей идее объективен и не предполагает определение ценности измененных состояний. Однако это не так. В действительности оба эти подхода смешиваются, поскольку оценки повсеместно присовокупляются к исследовательской объективности и беспристрастности.

Речь идет не только о законодательно закрепленной отрицательной моральной оценке состояний сознания определенного происхождения (вызываемых отдельными психотропными веществами), которая свидетельствует о признании за ними низкой/отрицательной социальной значимости, при том, что общество в целом позитивно относится к психотехнически обусловленным изменениям в состояниях сознания.

Использование происхождения как основания для оценки можно найти у классиков: Тарт в своей работе 1975 года «Состояния сознания» подвергает рассмотрению *происхождение* обыденного состояния сознания в процессе инкультурации. Инкультурация выступает как причина, производящая обыденное состояние сознания, а также его оценку как нормального. Исследование генеза обыденного состояния сознания позволяет рассматривать представления о нем как о некоей данности или как о естественном феномене как предрассудки, что, в свою очередь, имеет принципиальное значение для интерпретации измененных состояний сознания как неотъемлемой части сознательного опыта, т.е. методологическое значение (8).

Отрицательной оценке подвергаются как индивидуально позитивные, обладающие высокой значимостью состояния сознания, так и с индивидуальной точки зрения негативные измененные состояния сознания.

Без сомнения можно говорить о моральном статусе психиатрического диагноза. Диагноз предполагает наличие страдания индивида, поэтому можно говорить, что в психиатрическую нозологию включены не обладающие положительной ценностью состояния сознания. Диагноз такого рода с необходимостью включает в себя моральную оценку, поскольку он изменяет моральные требования к человеку, точнее, снижает их в прямой зависимости от тяжести заболевания, вплоть до полного снятия. Психиатрический диагноз также выводит человека из сферы юридической ответственности. После постановки психиатрического диагноза человек становится невменяемым не только с социальной, но и с юридической точки зрения, оказывается вне морали, за пределами сферы, где знание добра и зла служит основанием для поступка, что делает диагностику психического заболевания сопряженной с моральной оценкой *неразрывно*.

Обладающие положительной индивидуальной ценностью состояния сознания получают моральную оценку более сложными способами, за иллюстрацией одного из них обратимся к качественному и авторитетному «Руководству по аддиктологии» под редакцией профессора В.Д. Менделевича. Упомянутая работа содержит следующий ход мысли: *вследствие того, что «спектр зависимостей распространяется от адекватных привязанностей, увлечений, способствующих творческому или душевному самосовершенствованию и считающихся признаками нормы, до расстройств зависимого поведения, приводящих к психосоциальной дезадаптации» (9, р. 24), «не существует однозначного ответа на вопрос о том, положительна или отрицательна роль зависимости» (9, р. 23).*

Однако наука о зависимом поведении (аддиктология) остро нуждается в четком и ясном ответе на этот вопрос, в возможности строгой дифференциации «положительного» и «отрицательного» аддиктивного поведения, иными словами, в критериях «дифференциальной диагностики патологического и непатологического зависимого (аддиктивного) поведения» (9, р. 6). После характеристики критериев зависимого поведения, представленных в МКБ-10 как спорных, неоднозначных, «не позволяющих производить эффективную дифференциацию», предлагается «возможно, этиопатогенетически значимый диагностический критерий их патологичности (а значит, клинического уровня нарушений) — наличие эпизодов измененных состояний сознания при реализации зависимости» (9, р. 7). Такое клиническое проявление как измененные состояния сознания наблюдается при парафилиях, сопровождает религиозный фанатизм, стереотипные двигательные нарушения в детском возрасте и другие расстройства зависимого поведения, что позволяет сделать предположение об основополагающей роли «критерия измененных состояний сознания в период реализации зависимости», а также прочно связать измененные состояния сознания с патологическим аддиктивным поведением, или «негативной» стороной зависимости.

Ценностные суждения повсеместно включены в исследования измененных состояний сознания и делают их ангажированными в пользу той или иной моральной позиции: одна позиция отстаивает ценность исключительно бодрствующего сознания, другая – признает некоторую ценность за измененными состояниями сознания. На самом деле обе позиции находят эмпирическое подтверждение, в противостоянии этих позиций конфликтуют не эмпирические данности, а их интерпретации. Самая существенная часть аргументации в пользу той или иной позиции оказывается относящейся к сфере обоснования системы ценностей, и, следовательно, не зависящей от эмпирической реальности.

Еще одно принципиальное противоречие преломляется сквозь призму противоположности двух подходов к исследованию ИСС. Подходу, подразумевающему поиск причин, производящих условий, знания механизмов возникновения явлений, противостоит подход, которому чужды подобные ориентации. В этих подходах реализуются разные интересы. С одной стороны, интерес научный, ставящей своей целью описание явления в терминах какой-либо области научного знания, создание объясняющей теории, которая позволила бы воспроизводить феномен, предсказывать его появление, создание на основе теории технологии воспроизведения изучаемого явления, которая, по определению, не должна зависеть от субъективных факторов, например, от личностных или моральных качеств пользователя этой технологии. С другой – интерес к получению какого-либо опыта с целью собственного психологического развития, духовного роста, ознакомления с возможностями собственной психики/сознания, решения собственных духовных или психических проблем.

Конфликт этих интересов имеет место, поскольку наука требует объективности, то есть минимизации участия ученого в эксперименте, отсутствия включенности ученого в эксперимент, получения объективно значимых результатов. Экспериментальный характер науки влечет за собой недоверие к источникам, фиксирующим опыт, который не получен в рамках организованного по правилам эксперимента. А второй интерес подразумевает максимальную личную включенность, глубокую личную трансформацию, получение субъективно значимого результата. И тот и другой интерес – познавательные, но на одной чаше весов познание себя с целью трансформации себя, своей жизни на основе этих знаний, на другой – познание внешней объективной реальности и обретение через знание власти над ней.

Различие целей влияет на методологию исследования, налагает на нее определенные ограничения. Эксперимент дает объективность и воспроизводимость

результата, однако ситуация эксперимента отличается от ситуации реальной жизни, и они могут и должны отличаться по результатам (исходам). Ситуация эксперимента влияет на содержание событий, происходящих в нем, присутствием «независимых» наблюдателей (их нет в ритуале), искусственностью условий (например, возможностью досрочного выхода из ситуации), «игровой» отстраненностью участников от происходящего, особым статусом опыта, полученного в лабораторных условиях, среди других событий жизни.

Есть события, которые, очевидным образом невозможно воспроизвести в лаборатории, которые и в естественных условиях могут не произойти, в присутствии или по просьбе стороннего, независимого наблюдателя, третьего лица, – и это в первую очередь касается тех состояний сознания, ценность которых менее всего подвергается сомнению. Смог бы Будда достичь пробуждения в лаборатории? Смог бы кто-нибудь повторить его достижение в эксперименте с научной целью? Эксперимент налагает очень жесткие ограничения по месту и по времени, в которые должно произойти событие. Бодхи Будды – чудо, и как всякое чудо оно не случается там, где мы хотим и тогда, когда мы считаем это нужным. А если мы предположим, что хотя бы некоторые состояния сознания не повторяются? Насколько в принципе доступны методам естествознания уникальные, единичные явления?

Эксперимент не воссоздает контекст, который присутствует в реальной жизни и тем самым исключает получение результатов, которые имеют место быть в реальной жизни. Можно ли достигнуть пробуждения Будды, не будучи Буддой? Я имею в виду, что каждое состояние сознания является следствием, в том числе, всего предшествующего сознательного опыта, существует в его контексте (сознательный опыт континуален). Поэтому состояния сознания вполне, – в содержательных деталях, взятые вкуче с особенностями структур, их породивших, – невоспроизводимы без воспроизведения всей совокупности этого опыта. Содержания сознания и различающиеся когнитивные структуры, – в отличие от инвариантных, – это то, что стало предметом научного анализа в современности и, в первую очередь, в исследованиях измененных состояний сознания. Инвариантные структуры и содержания, которые гениальным образом были помещены в фокус внимания философии Нового времени, поддаются естественнонаучной методологии, чего нельзя с такой же уверенностью сказать об изменяющихся содержаниях и структурах.

Более того, состояние сознания нельзя изъять не только из контекста личной истории. Личную историю опыта измененных состояний сознания нельзя изъять из контекста жизни индивида среди многообразия не-естественных феноменов. Исследовательские возможности и получаемые результаты повсеместно и в значительной части обусловлены социокультурной ситуацией, поскольку актуальность и возможность исследования каких-либо определенных состояний сознания тесно связана с распространенностью этих состояний сознания в доступных для исследования сообществах. А распространенность каких-либо состояний сознания зависит от культурных, социальных, политических, экономических, и тому подобных факторов, что превосходно иллюстрируется, в частности, применительно к индуцированным психотропными веществами состояниям сознания, коллективной монографией, составленной на основе материалов конференции 1997 года, посвященной истории употребления психотропных веществ в США в девятнадцатом и двадцатом столетии (10). В указанной работе демонстрируется, что распространенность (и, соответственно, доступность для изучения) определенных измененных состояний сознания зависит от претерпевавшего зачастую радикальные изменения отношения общества к этим состояниям, состояния медицинского знания, степени исследованности измененных состояний сознания, религиозных, экономических и политических факторов.

Полагаю, что **исследование измененных состояний сознания невозможно без рефлексии над ценностью этих состояний**. Аксиологический дискурс даст возможность развития концептуальных оснований, исходя из наиболее подходящих к исследуемому объекту принципов. Исследование измененных состояний сознания необходимо: искусственные рационально мыслящие устройства уже созданы, поэтому особенно пристального внимания заслуживает то, что отличает нас от машин: все, что не является рациональным мышлением. И оно не может быть до конца объективно. Невозможно полностью исключить из исследования *сознания* субъективное, человеческое, что может означать и принятие методологии гуманитарных дисциплин, трансформацию процедур верификации/фальсификации полученных результатов.

Принятие факта невозможности обойтись без оценки в этой сфере познавательного интереса, позволит менее пристрастно относиться к дифференциации состояния сознания по эпистемическим, когнитивным, функциональным, социальным, культурным, экономическим, политическим, субъективным критериям, избежать смешения дифференциации по разным основаниям, что должно положительно сказаться на результативности исследований измененных состояний сознания, и, в конечном счете, сделать эти исследования более рациональными.

References:

1. Plato, «Phaedrus», 244: Plato. Phaedo, Symposium, Phaedrus, Parmenides. Moscow: Publishing house “Mysl”, 1999.
2. Foucault M. Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason. St. Petersburg: University Book, 1997. [Internet] Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_bez/05.php
3. Site material [Internet] Available from: access mode <http://ariom.ru/litera/osho/osho-42.htm>
4. Shaykh Hakim Moinuddin Chishti The Book of Sufi Healing. St. Petersburg: «Diehl Publishing», 2011.
5. Ludwig AM. Altered States of Consciousness// Altered States of Consciousness: A Book of Readings. Ed. Charles T.Tart. New York: John Wiley & Sons, 1969; 9-22.
6. Bourguignon E. Altered states of consciousness// Personality, culture, ethnicity: contemporary psychological anthropology. Moscow: Smysl, 2001; 439-440.
7. Classical Yoga. Moscow: Center for Research of traditional ideologies of the East «Asiatica», 1992. [Internet] Available from: <http://psylib.org.ua/books/patanja/ostru/txt08.htm>
8. Tart TCh. States of Consciousness. New York: Dutton & Co, 1975.
9. Guide to addictology. St. Petersburg: Rech, 2007.
10. Altering American Consciousness: The History of Alcohol and Drug Use in the United States, 1800-2000. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 2004; 435.